УДК 341

МОДИФИКАЦИЯ ОСНОВНОГО КЛАССИЧЕСКОГО ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА: СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Хабачилов М.Л., Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Российская Федерация, muaed@rambler.ru

В статье проводится анализ современных концепций отраслевых принципах международной безопасности; исследуются принципы права международной безопасности в свете расширения предмета регулирования. Предлагается мнение о складывающейся новой отрасли – международном чрезвычайном праве (IEL – International Emergency Law) и соответствующей модификации отраслевых принципов, касающихся регулирования международных отношений, связанных с определением, пресечением и ликвидацией глобальных проблем (угроз, вызовов и рисков).

Ключевые слова: право международной безопасности, принципы международного права, международное чрезвычайное право, глобальные риски, вызовы, угрозы.

DOI: 10.21779/2224-0241-2020-34-2-100-107

UDC 341

MODIFICATION OF THE BASIC CLASSICAL CONCEPT-TERMINOLOGICAL APPARATUS: SPECIAL PRINCIPLES IN THE FIELD OF INTERNATIONAL SECURITY

Khabachirov M.L., Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation, muaed@rambler.ru

The article analyzes the modern concepts of industry principles of international security; explores the principles of international security law in the light of the expansion of the subject of regulation. An opinion is proposed on the emerging new industry – International Emergency Law (IEL) and the corresponding modification of industry principles related to the regulation of international relations related to the identification, suppression and elimination of global problems (threats, challenges and risks).

Key words: international security law, principles of international law, international emergency law, global risks, challenges, threats.

DOI: 10.21779/2224-0241-2020-34-2-100-107

I. Введение

Вряд ли будет преувеличением сказать, что сегодня основной задачей международного права является эффективное регулирование межгосударственных отношений в области обеспечения безопасности, причем безопасности в широком понимании этого термина*. Изменение концептов права международной безопасности связано с расширением объектов защиты. Традиционно объектом за-

щиты рассматривалось государство, и право международной безопасности формировалось как межгосударственное право, целью которого было создание такой системы международных отношений, при которой отсутствовали бы или были бы минимизированы угрозы существованию государств.

В настоящее время к объектам защиты стали относить также народы (общество) и отдельную личность**.

Можно констатировать, что такие концепты, как, например, «доктрина Эксурси», наряду с концепциями «гуманитарной интервенции», «обязанности защищать» и «ответственности за защиту» (а также «ответственности при защите») [1] основываются на приоритете принципа защиты

* Так, на протяжении многих лет специалисты рассматривали проблемы безопасности (security studies) лишь в военно-стратегических рамках (т.е. так называемое «военно-силовое» определение безопасности), учитывая только оборонную стратегию, ядерный паритет и т.д., что фактически и составляло понятие безопасности. Лишь к 70-80 годам XX в. появились труды, в которых безопасность стала толковаться не только как военный термин, а в более широком контексте. Таким образом, узкое определение (безопасности), сводящееся лишь к военным угрозам, уводит внимание от невоенных угроз, которые сегодня способны серьезно подорвать национальную и международную стабильность.

** Например, одна из доктрин, известных как «доктрина Эксурси» («Axworthy doctrine»), предполагает, что безопасность личности («свобода от страха») стоит выше суверенитета и безопасности государства, и, если возникнет необходимость, возможно применение принудительных мер, вплоть до военных действий, для ее защиты.

прав человека перед иными основными принципами международного права.

В начале XXI века претерпела значительные изменения концепция «принуждения к миру». Разработанная как возможность применения принудительных мер, включая военную силу, международным сообществом на основании Устава ООН и с санкции Совета Безопасности ООН по отношению к государству, участвующему в вооруженном конфликте (международного или немеждународного характера), в настоящее время она применяется для обоснования односторонних действий государств по отношению к иностранному государству. Международное сообщество пока еще не пришло к общему пониманию правового содержания данной концепции, хотя на практике «принуждение к миру» послужило основанием для введения вооруженных сил на территории ряда иностранных государств.

Расширение угроз безопасности с неизбежностью ставит государства перед необходимостью сотрудничества по широкому кругу вопросов. Создаются новые международные акты, регламентирующие различные вопросы сотрудничества в сфере безопасности. Расширение предмета права международной безопасности и введение новых объектов, наличие нормативных источников как регуляторов определенных аспектов международной безопасности приводят к мысли о возможной модификации существующих и необходимости выделения новых принципов, институтов и отраслей международного права.

II. Об основополагающих принципах международного права

В рамках настоящей работы, нельзя не остановиться на десяти основополагающих принципах (базовых, характеризующихся как нормы *jus cogens*, нарушение или несоблюдение которых влечёт ответственность по международному праву), составляющих каркас международного права, являющихся определяющим фактором, служащих основой для системы международных отношений и мировой политики. К ним относятся: принцип, согласно которому государства воздерживаются в международных отношениях от угрозы силой или её применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, не совместимым с целями Организации Объединенных Наций, принцип, согласно которому государства разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость, обязанность в соответствии с Уставом ООН не вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, обязанность государств сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом ООН, принцип равноправия и самоопределения народов, принцип суверенного равенства государств, принцип, согласно которому государства добросовестно выполняют обязательства в соответствии с Уставом ООН, принцип уважения прав человека и основных

свобод, принцип нерушимости границ, принцип территориальной целостности.

Семь принципов изложены в Уставе ООН (уставные принципы), который является универсальным международным договором, требующим выполнения и соблюдения, три были разработаны позднее. Содержание и толкование принципов, в первую очередь, раскрываются в тексте Устава ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятой 24 октября 1970 г., Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятом 1 августа 1975 г., Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях от 18 ноября 1987 г.

Следует отметить, что согласно статье 103 Устава ООН преимущественную силу его положения имеют в том случае, если уставные обязательства членов ООН окажутся в противоречии с обязательствами по какому-либо другому международному соглашению.

Следует подчеркнуть, что принципы (основополагающие принципы международного права) обладают конкретным международно-правовым содержанием, взаимосвязаны и неразрывны, *толкуются в контексте друг друга*, чему посвящены источники, их закрепляющие, и содержание международно-правовой доктрины, выраженной в отечественной и зарубежной литературе, посвященной международному праву, обладают сугубо практическим назначением и опровергают оценку и попытку определения международного права только границами учебника или учебной дисциплины [2, с. 4].

Особенностью таких основополагающих принципов международного права является то, что они выражены в наиболее общей форме и имеют значение базовых установлений для всех остальных международно-правовых норм. Такие базовые установления можно разделить на несколько категорий [3, с. 204].

Во-первых, в состав общепризнанных принципов можно включить такую категорию норм, как основные принципы международного права: суверенное равенство и коррелирующее ему уважение прав, присущих суверенитету; неприменение силы и угрозы силой; нерушимость границ; территориальная целостность государств; мирное урегулирование споров; невмешательство во внутренние дела; уважение прав человека и основных свобод; равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничество между государствами; добросовестное выполнение обязательств по международному праву. Названные принципы представляют собой основу отношений между государствами, фундаментальны по своему содержанию, выражают коренные интересы народов, признаются всеми государствами в качестве обяза-

тельных. По своему характеру эти принципы императивны.

Таким образом, основные принципы международного права выражают особо важные интересы его главных субъектов – государств, в силу чего обладают следующими признаками: *они универсальны, фундаментальны по содержанию, императивны.*

Во-вторых, к общепризнанным принципам международного права в качестве их разновидности относятся принципы, *определяющие базовые начала отдельных отраслей международного права.* Это – универсальные и фундаментальные нормы, имеющие свою специфику, связанную с особенностями регулирования отраслевыми нормами определенных сфер международных отношений.

Отраслевые общепризнанные принципы являются базовыми в соответствующих отраслях международного права, они определяют содержание и взаимосвязь отраслевых норм.

В-третьих, следует выделить еще одну категорию юридических норм, которые при определенных условиях могут иметь характер общепризнанных принципов международного права, а именно – общеправовые принципы. Их характерная особенность заключается в том, что эта категория принципов, как нормативных предписаний, представляет собой своеобразный каркас правовой системы тех или иных государств. Они являются средством придания этой системе стабильности, логического смысла, единообразия в правоприменительной деятельности. Общеправовые принципы в виде норм-принципов играют «установочную» роль и служат основой организации и деятельности государственных органов и иных субъектов права [4, с. 350]. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27 января 1993 г. сформулировал позицию, касающуюся общеправовых принципов. «Эти принципы обладают высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права» [5, с. 265]. Суд в названном постановлении выделил такие общепризнанные принципы, как справедливость, юридическое равенство; гарантированность государством прав и свобод человека и гражданина, возмещения государством всякого ущерба, причиненного личности незаконными действиями государственных органов и должностных лиц.

Конечно, общеправовые принципы составляют основы международного права. Но имеют ли они какую-нибудь практическую ценность? Кажется, даже Международный Суд применил их только один раз – в деле «О военных и подобных им действиях» (Никарагуа против США), и только потому, что не знал, что можно применять после ого-

ворки США о невозможности применения Устава ООН и Устава Организации американских государств. Примечательно, что западноевропейские и американские учебники отнюдь не уделяют столько внимания основным принципам, как мы [6, с. 69].

III. О модификации отраслевых принципов, обеспечивающих безопасность

В науке отсутствует установленный закрытый перечень специальных отраслевых принципов, обеспечивающих сотрудничество государств в сфере безопасности. Вместе с тем, для целей настоящей работы имеет смысл сгруппировать существующие общепризнанные принципы международного права по векторам, характерным для обеспечения регулирования международных отношений в сфере безопасности:

- принципы, ограничивающие применение силы и угрозы силой в (принцип неприменения силы и угрозы силой; принципы *jus ad bellum* (точнее, *jus contra bellum*)* и *jus in bellum***;

- принципы, определяющие самостоятельность и независимость государств (принцип неотъемлемого суверенитета государства, территориальной целостности, границ, невмешательства во внутренние дела государств);

- принципы, определяющие сотрудничество (принцип сотрудничества государств, добросовестного выполнения обязательств по международному праву, мирного урегулирования международных споров);

Мы не станем углубляться в содержание уже известных принципов***, обратим лишь внимание на спорный характер их практического применения в современном мире.

В последнее время ведутся серьезные научные (и политические) дискуссии о наличии либо отсутствии запрета на применение силы, а следовательно, возможно отрицание существования такого всем известного и, казалось бы, аксиоматического, универсального императивного (*jus cogens*) принципа неприменения силы и угрозы силой [7, с. 44]****. Ряд видных ученых занялись пробле-

* Этот термин чаще всего используется в дискуссиях по этой тематике и означает «предотвращение войны».

** Термин означает «определение правовых рамок применения военной силы».

*** В этой связи будут информативны существующие учебники по международному праву.

**** В рамках дискуссии о реформе ООН проблемы вмешательства рассматриваются в целом в контексте применения силы в соответствии с Уставом ООН. При этом дискуссия сосредоточена в основном на трех аспектах: 1) имеют ли государства право на упреждающее применение военной силы для того, чтобы защитить себя от неминуемых угроз; 2) имеют ли они право на превентивное применение военной силы для того, чтобы защитить себя от потенциальных или отдаленных угроз; 3) имеют ли они право, а может быть, и обязанность применить военную силу в целях защиты, чтобы спасти граждан других государств от геноцида или других аналогичных преступ-

мами правовой регламентации гуманитарной интервенции. Практически официальным стало проведение миротворческих операций без участия ООН (т.е. без санкций СБ ООН и Вооруженных Сил ООН, которые только и наделены правом, с точки зрения классического понимания Устава ООН, применять либо санкционировать применение принудительных мер).

В этой связи наиболее выразительными работами последних лет была полемика по проблематике «использования силы», как существенного компонента межгосударственных отношений [8–15]. Однако, думается, ни для кого не секрет, что после вторжения НАТО в Югославию*, чудовищных актов 11 сентября в Нью-Йорке, вторжения т.н. «коалиционных сил» в Ирак, их действия в Ливии, операций различных государств по всяческим основаниям в Сирии** ситуация со стабильным и классическим пониманием принципа неприкосновенности и угрозы силой изменилась.

Кроме того, отсутствие согласия государств по вопросам определения агрессии с учетом современных реалий позволяет государствам произвольно толковать термин «самооборона» и применять вооруженную силу, расширительно толкуя ст. 51 Устава ООН.

Трудно сказать, прав или нет профессор Ю. Малеев, утверждая, что запрета на применение силы и угрозы силой нет и что Устав ООН говорит лишь о *воздержании* от применения силы и угрозы силой, а не отказа от него. Однако то, что ряд стран, в том числе США [16] и Россия [17], уже заявили в своих военных доктринах о возможности превентивных действий не только силами специального назначения на территории других государств (в качестве мер по борьбе с терроризмом) [18], но и нанесения превентивных ядерных ударов, говорит о фактическом прекращении действия этого принципа в его классическом понимании в практике международных отношений.

Полагаем, что ситуация с «использованием силы» выглядит следующим образом: несмотря на то, есть ли такой принцип, как принцип неприменения силы и угрозы силой (т.е. *запрет или «воздержание от использования силы»* вне рамок Устава ООН), или его нет в режиме, когда международное сообщество в лице действующих международных институтов не способно эффективно контролировать (формально-юридически и

институционно) использование силы в межгосударственных (внутригосударственных) отношениях, справедливо восстанавливать нарушенное право, уже само по себе изменяет схему функционирования современного международного права (основанного на другом принципе – принципе добросовестного исполнения международных договоров)***.

Таким образом, очевидно, что происходит расширение предмета права международной безопасности, что требует наличия новых нормативных массивов как регуляторов различных аспектов международной безопасности и с большой долей вероятности приведет к *выделению новых институтов либо отраслей международного права* [18–23].

Действующая система, призванная регулировать отношения в части обеспечения мира и безопасности, не адекватна задачам регулирования отношений, складывающихся за рамками классической агрессии либо вооруженного конфликта, т.е. в «период, отличный от мирного», в чрезвычайных обстоятельствах (ситуациях), не достигших такого накала либо не связанных с применением оружия.

И если действующая система координат обеспечения международной безопасности не срабатывает, то необходимо менять подходы к ее формированию и функционированию. Можно констатировать, что регулирование современных международных отношений зачастую строится на новых концепциях и доктринах, которые вступают в противоречие с признанными основными принципами международного права, искажают их сущность, меняют системные основы международного права и самого права международной безопасности. Появились такие, относительно новые масштабные угрозы безопасности, как пандемия, астероидная опасность, техногенные катастрофы, проблемы, связанные с окружающей средой (вопросы климата, чистой воды и т.д.), экономическая экспансия и др.

В условиях невозможности открытого вооруженного противостояния современные акты агрессии принимают новые формы, среди которых – информационные войны, различного рода киберпроблемы (от гибридных войн, до проблем с искусственным интеллектом, включая боевые автономные системы), терроризм, связанные с применением ОМУ и оружия, основанного на новых

лений.

* Мы умышленно избегаем употребления термина «агрессия» для исключения излишней полемики в рамках данной работы.

** Действия государств по различным, с их точек зрения, «международно-правовым основаниям»: «по приглашению», «по ответственности за защиту», «в качестве самообороны» и т.д. Мы обратили внимание только на ключевые события, и можно утверждать, что этот ряд неоднозначного использования «силы» («института самообороны») может быть значительно длиннее.

*** «Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы в международных делах – военной силы – силы, ввергающей мир в пучину следующих один за одним конфликтов. В результате не хватает сил на комплексное решение ни одного из них. Становится невозможным и их политическое решение» // Из выступления В. Путина на 43 Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 01.06. 2020).

физических принципах, и др.^{*} Все это приводит к возможности появления безвременных кризисных, с точки зрения мира и безопасности, зон во всем мире и обнаруживает потребность в механизмах обеспечения мира и безопасности, ориентированных, в первую очередь, не на традиционные войны, а на глобальные (или локальные) риски, вызовы и угрозы иные, чем война.

Полагаем, что необходимо сформулировать *новую концепцию «заинтересованности»* стран с различным уровнем развития (имеются в виду все возможные отличия между государствами) *к объединению*. Такая концепция должна включать то, что объединение возможно только в контексте противодействия глобальным кризисам (безусловно, нормативно определенным), т.е. к формирующейся новой отрасли международного права – *международного чрезвычайного права*^{**}. Уже сегодня четко обозначается самостоятельный предмет ее правового регулирования, основной принцип, которым должен стать принцип *обязанности сотрудничества в предотвращении глобальных кризисных ситуаций*. Иными основополагающими принципами такой отрасли международного права, помимо

названного, являются: *принцип своевременности реагирования; принцип субсидиарности институтов, обеспечивающих противодействие глобальным кризисным явлениям*.

Принцип обязанности сотрудничества в предотвращении глобальных угроз, вызовов и рисков [24] имеет определенную специфику своего выражения.

Современные глобальные кризисы (риски, вызовы и угрозы) пересекают национальные границы, взаимосвязаны и требуют коллективной ответственности, они должны устраняться не только на универсальном уровне, но также на региональном и национальном (двустороннем) уровнях.

Ни одно государство, каким бы «значительным» оно ни было (или считало себя таковым), не в состоянии самостоятельно оградить себя от современных угроз. Безопасность самого богатого государства напрямую может зависеть от возможностей самого бедного государства сдерживать распространение, например, появившейся болезни (пандемии), терроризма, международной преступности, нераспространения, астероидной опасности или другой угрозы.

В том случае, если какое-либо государство не предпринимает (не желает, не способно) необходимых мер (как действием, так и бездействием) для сдерживания распространения глобального кризиса (риска, вызова, угрозы), это не может не создавать реальной угрозы другому государству, группе государств (региону), международному сообществу, защищаемым международным правом интересам. В ответ у государства, группы государств (региона), международного сообщества возникает право на самопомощь (самозащиту, самооборону). И если в случае с угрозой международному сообществу вопрос в международном праве урегулирован (квалифицируется как угроза миру и безопасности – глава VII Устава ООН), то в случае угрозы для отдельного государства, группы государств (региона) вопрос о самопомощи остается неурегулированным и решает только на доктринальном, причем дискуссионном уровне [10].

Таким образом, хотя государства и оберегают свой суверенитет, но в результате углубления глобализации суверенитет государств теперь более обусловлен государственными правами других стран. В современном мире приходит время четкого понимания следующей тенденции: внешнее вмешательство в дела государств в случае их неспособности или нежелания *исполнять свои обязательства по глобальным проблемам (в чрезвычайных обстоятельствах), если такое неисполнение угрожает или может угрожать безопасности другого государства*, необходимо.

Практическую иллюстрацию этого тезиса можно проследить, например, на проблеме установления контроля над такой глобальной угрозой, как терроризм. Несмотря на созданный впечатляющий механизм такого контроля, установить эффективный контроль не удается.

^{*} В Докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность» (см.: док. A/59/565) выделяются следующие блоки кризисных ситуаций, которыми мир должен заниматься сейчас и в предстоящие десятилетия:

а) экономические и социальные, включая нищету, инфекционные болезни и экологическую деградацию;
б) техногенные катастрофы, климатические изменения, стихийные бедствия;
в) межгосударственный конфликт;
г) внутренний конфликт, включая гражданскую войну, геноцид и другие массовые зверства;
д) проблема нераспространения ядерного, радиологического, химического и биологического оружия;
е) терроризм, транснациональная организованная преступность, киберпреступность в информационном обществе.

При этом мы уверены, что список не является исчерпывающим, а наша задача состоит в том, чтобы побудить исследователей к иному пониманию складывающейся парадигмы отношений в исследуемой области. Мы полностью отдаем себе отчет, что указанные кризисы могут порождаться деятельностью как негосударственных субъектов, так и государств, причем речь идет и о безопасности населения, и о безопасности государства. И, наконец, мы понимаем те трудности, с которыми можно столкнуться при достижении нового консенсуса по поднимаемой проблеме.

^{**} Это – формирующаяся отрасль международного права, представляющая собой систему принципов и норм, регулирующих отношения государств в период отличный от мирного. Под «периодом, отличным от мирного» следует понимать особое состояние международных отношений, при котором складывающаяся ситуация в конкретном государстве или на его части носит столь чрезвычайный характер, что может угрожать другому или другим государствам либо защищаемым международным правом интересам.

Если же предположить, что неисполнение каким-либо государством своих обязательств (как взятых на себя, так и возложенных на него международными структурами) будет пониматься как нарушение принципа суверенного равенства государств и порождать возможный механизм самопомощи у других государств, то в этом случае открываются более эффективные рычаги влияния на ситуацию. Это, с одной стороны, обяжет государство более взвешенно подходить к выполнению своих обязанностей, а с другой – каждое государство будет четко понимать, какой механизм восстановления ситуации может быть задействован. Это тем более актуально в условиях глобализирующегося мира, когда перед государствами стоят новые риски, вызовы и угрозы. И, наконец, сама *проблема адаптации государств к процессам глобализации, а именно – выстраивание системы правил и институтов международным сообществом и частными субъектами правовых отношений, как на национальном, так и на международном уровне, для обеспечения международного правопорядка и решения экономических, социальных и политических задач, а также защиты и уважения прав человека.* Одним из фундаментов такой строящейся системы могло бы стать понимание выделенного аспекта принципа суверенного равенства государств, а именно – *неисполнение государством своих обязательств по глобальным проблемам (включая бездействие), если такое неисполнение угрожает или может угрожать безопасности другого государства, может и должно считаться нарушением принципа суверенного равенства государств, так как нарушает принцип равного права на выживание, существование, развитие.*

Принцип своевременности реагирования предполагает принятие рациональных, эффективных и достаточных мер по противодействию чрезвычайным ситуациям, позволяющим их предупредить, регулировать, преодолевать и разрешать.

Анализ существующей системы реагирования на угрозы миру и безопасности приводит к неутешительным выводам. Практически при каждой новой угрозе из числа указанных выше мировое сообщество оказывается к ней неподготовленным, и это, как следствие, не позволяет *выявлять, предупреждать, локализовывать, контролировать и ликвидировать* ее на ранних стадиях развития, избежав больших человеческих и материальных потерь.

Во-первых, как правило, плохо предсказуемы районы и острота возникновения рисков, вызовов и угроз.

Во-вторых, практически каждый раз идет поиск и создаются новые механизмы и средства урегулирования непосредственно в ходе уже существующей угрозы, что создает предпосылки для ее неконтролируемого развития.

В-третьих, нет регулярных международных источников получения своевременной и объективной информации о ходе развития угрозы.

В-четвертых, до конца не отрегулирован механизм принятия политических и особенно «силовых» (в том числе относительно применения военной силы) решений по нейтрализации угрозы.

Более того, имеющаяся практика порождает напряженность в отношениях государств, которые сами должны «гасить» риски, вызовы и угрозы.

Принцип субсидиарности институтов, обеспечивающих противодействие глобальным кризисным проявлениям, подразумевает, что при возникновении и развитии чрезвычайных ситуаций взаимодействие национальных и международных структур в их ликвидации неизбежно. Государства, группы государств, международные органы в целом смогут достичь более эффективных результатов своих действий, если будут следовать определенным правилам, позволяющим эти чрезвычайные ситуации предупреждать, регулировать, преодолевать, разрешать. В ракурсе рассматриваемой проблемы задача состоит в создании легальных каналов выявления конфликтных зон, обеспечивающих максимальную полноту и достоверность информации, поступающей на иерархический уровень принятия ответственных решений; институционализации угрозы посредством установления правомерного характера поведения вовлеченных в них субъектов; оформления эффективного механизма противодействия угрозам.

При таком алгоритме возникает задача нахождения юридического режима противодействия возникшей глобальной проблеме. Особый интерес представляет обоснование возможности применения **международных чрезвычайных режимов для предупреждения и урегулирования возникших угроз, вызовов и рисков.** В общем виде эти режимы можно представить как специальные режимы, предусматриваемые международным правом, допускающие ограничения в деятельности органов власти и управления, правосубъектности физических и юридических лиц, вводимые по решению Совета Безопасности ООН (либо с его санкции региональными организациями безопасности) в качестве временной меры обеспечения безопасности личности, общества и государства, определяемой сложившимися конкретными обстоятельствами. Главное в их содержании то, что они временно меняют правовой статус этой территории, систему органов, осуществляющих управленческое воздействие, устанавливают меры, которые используются для урегулирования ситуации. Выбор того или иного чрезвычайного режима зависит от остроты сложившегося положения, уровня кризисной ситуации.

IV. Заключение

Международное право не является раз и навсегда сформировавшейся системой, оно находится в постоянном динамичном развитии, поскольку меняется круг отношений, в которые вступают государства и иные субъекты международного права. Происходит формирование новых отраслей международного права, а также

изменение содержания уже образовавшихся отраслей.

По нашему мнению, для совершенствования механизма обеспечения безопасности необходимо разработать такие юридические процедуры,

которые, с одной стороны, помогали бы выявлять угрозы, вызовы и риски, а с другой – давали бы возможность перевести любую из них в правовую сферу, то есть придать регулируемый характер.

Литература

1. Доклад Генерального секретаря ООН А/63/677 от 12 янв. 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=498992762>. (дата обращения: 01.03.2020).
2. Толстых В.Л. Курс международного права: учебник. М., 2009.
3. Тиунов О.И. Общепризнанные принципы и нормы международного права: понятие и их роль в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.). М., 2004.
4. Марченко М.Н. Теория государства и права. М., 1996.
5. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 1992–1996 / сост. и отв. ред. Т.Г. Морщакова. М., 1997.
6. Шинкаревич Г.Г. Реальная жизнь и международное право // Международное публичное и международное частное право. 2004. № 4 (19). С. 68–70.
7. При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех: доклад Генерального секретаря ООН А/59/2005. 21 марта. 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/Runreport-largerfreedom.html> (дата обращения: 01.03.2020).
8. Малеев Ю.Н. Начало Великой Отечественной войны – уроки для современного международного права и политиков // Международное право. 2005. № 2. С. 30–56.
9. Малеев Ю.Н. Реабилитация адекватного и пропорционального применения силы // Московский журнал международного права. 2004. № 3. С. 31–47.
10. Малеев Ю.Н., Гольцов С.Д. Применение вооруженной силы государствами как мера превентивной самозащиты *ad hoc* от внешней угрозы // Московский журнал международного права. 2004. № 4. С. 45–58.
11. Тузмухамедов Б.Р. Пределы самообороны // Независимая газета. 24 сент. 2004.
12. Тузмухамедов Б.Р. Упреждение силой // Независимая газета. 24 июня. 2005.
13. Тузмухамедов Б.Р. К вопросу об упреждении силой // Московский журнал международного права. 2006. № 1. С. 374–384.
14. Мелков Г.М. Гуманитарное вмешательство (международно-правовые аспекты) // Российский ежегодник международного права. Спец. вып. СПб., 2000.
15. Котляр В.С. Право на превентивную самооборону и современное международное право // Государство и право. 2005. № 10. С. 75–84.
16. Стратегии национальной безопасности США от 18 дек. 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/4825512> (дата обращения: 01.06.2020).
17. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 5 февр. 2010 г. № 146. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Хабачиров М.Л. Международно-правовые проблемы борьбы с ядерным терроризмом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
19. Хабачиров М.Л. Формирование международного чрезвычайного права // Международное право. 2005. № 4. С. 70–83.
20. Хабачиров М.Л. Формирование эффективной системы реагирования на глобальные риски, вызовы и угрозы: концептуальный подход // Международное право. 2009. №4 (40). С. 88–106.
21. Хабачиров М.Л. О формировании международного чрезвычайного права как новой отрасли международного права // Международное право. 2010. № 4 (42). С. 32–36.
22. Хабачиров М.Л. Проблемы «гуманитарного вмешательства» в контексте международного чрезвычайного права // Актуальные проблемы современного международного права: материалы ежегодной межвузовской науч.-практ. конф. Москва, 9–10 апреля 2010 г. / под ред. А.Х. Абашидзе, М.Н. Копылова, Е.В. Киселевой. Ч. I. М., 2011. С. 319–327.
23. Лисаускайте В.В. Международное право чрезвычайных ситуаций как новая отрасль международного права // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 133–137.
24. Руководящие принципы укрепления координации чрезвычайной гуманитарной помощи: Резолюция ГА ООН №46/182. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/documents/ga/res/46/a46r182.htm> (дата обращения: 01.03.2020).

References

1. Doklad General'nogo sekretarya OON A/63/677 ot 12 yanv. 2009 g. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=498992762>. (data obrashcheniya: 01.03.2020).
2. Tolstykh V.L. Kurs mezhdunarodnogo prava: uchebnik. M., 2009.
3. Tiunov O.I. Obshchepriзнанные printsipy i normy mezhdunarodnogo prava: ponyatie i ikh rol' v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii // Obshchepriзнанные printsipy i normy mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnye dogovory v praktike konstitutsionnogo pravosudiya: materialy vserossiiskogo soveshchaniya (Moskva, 24 dekabrya 2002 g.). M., 2004.
4. Marchenko M.N. Teoriya gosudarstva i prava. M., 1996.
5. Konstitutsionnyi Sud Rossiiskoi Federatsii. Postanovleniya. Opredeleniya. 1992–1996 / sost. i otv. red. T.G. Morshchakova. M., 1997.
6. Shinkaretskaya G.G. Real'naya zhizn' i mezhdunarodnoe pravo // Mezhdunarodnoe publichnoe i mezhdunarodnoe chastnoe pravo. 2004. № 4 (19). S. 68–70.
7. Pri bol'shei svobode: k razvitiyu, bezopasnosti i pravam cheloveka dlya vsekh: doklad General'nogo sekretarya OON A/59/2005. 21 marta. 2005. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/Runreport-largerfreedom.html> (data obrashcheniya: 01.03.2020).
8. Maleev Yu.N. Nachalo Velikoi Otechestvennoi voyny □ uroki dlya sovremennogo mezhdunarodnogo prava i politikov // Mezhdunarodnoe pravo. 2005. № 2. S. 30–56.
9. Maleev Yu.N. Reabilitatsiya adekvatnogo i proporsional'nogo primeneniya sily // Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2004. № 3. S. 31–47.
10. Maleev Yu.N., Gol'tsov S.D. Primenenie vooruzhennoi sily gosudarstvami kak mera preventivnoi samozashchity ad hoc ot vnesheii ugrozy // Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2004. № 4. S. 45–58.
11. Tuzmukhamedov B.R. Predely samooborony // Nezavisimaya gazeta. 24 sent. 2004.
12. Tuzmukhamedov B.R. Uprezhdenie siloi // Nezavisimaya gazeta. 24 iyunya. 2005.
13. Tuzmukhamedov B.R. K voprosu ob uprezhdenii siloi // Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2006. № 1. S. 374–384.
14. Melkov G.M. Gumanitarnoe vmeshatel'stvo (mezhdunarodno-pravovye aspekty) // Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. Spets. vyp. SPb., 2000.
15. Kotlyar V.S. Pravo na preventivnyuyu samooboronu i sovremennoe mezhdunarodnoe pravo // Gosudarstvo i pravo. 2005. № 10. S. 75–84.
16. Strategii natsional'noi bezopasnosti SShA ot 18 dek. 2017 g. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://tass.ru/info/4825512> (data obrashcheniya: 01.06.2020).
17. Voennaya doktrina Rossiiskoi Federatsii: utv. Ukazom Prezidenta Ros. Federatsii ot 5 fevr. 2010 g. № 146. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlyus».
18. Khabachirov M.L. Mezhdunarodno-pravovye problemy bor'by s yadernym terrorizmom: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2000.
19. Khabachirov M.L. Formirovanie mezhdunarodnogo chrezvychainogo prava // Mezhdunarodnoe pravo. 2005. № 4. S. 70–83.
20. Khabachirov M.L. Formirovanie effektivnoi sistemy reagirovaniya na global'nye riski, vyzovy i ugrozy: kontseptual'nyi podkhod // Mezhdunarodnoe pravo. 2009. № 4 (40). S. 88–106.
21. Khabachirov M.L. O formirovanii mezhdunarodnogo chrezvychainogo prava kak novoi otrasli mezhdunarodnogo prava // Mezhdunarodnoe pravo. 2010. № 4 (42). S. 32–36.
22. Khabachirov M.L. Problemy «gumanitarnogo vmeshatel'stva» v kontekste mezhdunarodnogo chrezvychainogo prava // Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava: materialy ezhegodnoi mezhvuzovskoi nauch.-prakt. konf. Moskva, 9–10 aprelya 2010 g. / pod red. A.Kh. Abashidze, M.N. Kopylova, E.V. Kiselevoi. Ch. I. M., 2011. S. 319–327.
23. Lissauskaitė V.V. Mezhdunarodnoe pravo chrezvychainykh situatsii kak novaya otrasl' mezhdunarodnogo prava // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 362. S. 133–137.
24. Rukovodyashchie printsipy ukrepleniya koordinatsii chrezvychainoi humanitarnoi pomoshchi: Rezolyutsiya GA OON № 46/182. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.un.org/documents/ga/res/46/a46r182.htm> (data obrashcheniya: 01.03.2020).

Поступила в редакцию 5 марта 2020 г.
Received 5 March, 2020